

Ю.Е.Варваровский

«МАМАЕВА ОРДА»

(по данным письменных источников и нумизматики)

J.E. Varvarovski. "Mamay Horde" (Based on Written Records and Numismatics)

The paper is dedicated to history of possessions owned by Mamay, the famous Horde army commander in 60-70s of XIV century. Separation of steppe territories between Don and Dniester is a logical result of the Golden Horde decay. Making references to the records, the author shows that the "Mamay Horde" was an accurate copy of Djuch's Ulus state structures. Moreover, as a brilliant representative of the traditions of the old nobility, Mamay tried to reestablish the former order. Remaining an actual ruler of the Horde, he did try to conquer Saray, the capital, many times, and to name khan from among the direct (real or would-be) descendants of Batu. The death of Mamay and decay of his Horde meant victory of new forces defending poly-central model of Eastern Europe.

Для внутреннего состояния Золотой Орды в 60-70-е гг. XIV в. отмечается существенное нарастание центробежных тенденций, выраженных, в частности, в фактическом обособлении целого ряда областей. В числе таковых оказалась и западная часть Золотой Орды — значительный участок степной полосы Восточной Европы, ограниченный в территориальном отношении междуречьем Дона и Днестра.¹ Временная самоизоляция этой провинции происходит на фоне дальнейшего возвышения на политической авансцене золотоордынского государства небезызвестного эмира Мамаю.

Деятельность этого ордынского сановника вызывает у современных исследователей некоторую двойственность оценок. С одной стороны, Мамай представляется в роли крупнейшего сепаратиста данного периода, выдвигавшего собственных претендентов на ханский престол и проводившего активную завоевательную политику. С другой стороны, Мамай определяется как узурпатор, лишенный реальной социальной опоры и вынужденный прибегать к услугам временных внешних союзников (русских, литовских, итальянских и др.). Следует также отметить, что в историографии деятельность Мамаю характеризуется, как правило, во внешнеполитическом аспекте и, прежде всего, — в контексте взаимоотношений с русскими княжествами. Содержание настоящей работы определяется как необходимость рассмотрения сложившейся в указанное время внутригосударственной ситуации, так и возможностями реконструкции событий, непосредственно связанных с действиями Мамаю и возглавляемой им Орды.

Письменные источники XIV-XV вв. практи-

чески не содержат каких-либо сведений биографического характера, позволяющих уточнить происхождение этого сановника. Пожалуй, наиболее ранние известия о Мамаю относятся ко времени правления хана Бердибека (1357-1359). Согласно сообщению арабского автора Ибн Хальдуна, Мамай уже в это время находился в числе придворных эмиров, «управлял всеми делами», являлся удельным держателем города и области Крым, и, подобно многим высшим сановникам Улуса Джучи, состоял в родственных отношениях с верховным правителем (Тизенгаузен 1884: 389/373). Вместе с тем, определение степени достоверности этой информации остается весьма проблематичным. Аутентичные материалы правовой документации для второй половины 50-х гг. XIV в. называют имена только двух наместников Крыма — Рамадана и Кутлуг-Тимура (Тизенгаузен 1884: 350 / 340; Mas Latrie 1848: 589-593). Из той же группы источников явствует, что на протяжении 40-50-х гг. должность ханского беклярибека занимал Могаубей (Волков 1860: 216 сл.; Ковалевский 1905: 129; Памятники русского права 1955: 470; Mas Latrie 1848: 584-589, 593-595). Если же предположить, что указанная Ибн Хальдуном обязанность Мамаю (управитель всеми делами) соответствует должности везира, то такая интерпретация противоречит показаниям русских летописей, где советником данного хана назван Товлубий, а также тому обстоятельству, что ни в одном из документов этого времени Мамай не фигурирует в числе высших должностных лиц государства. Наконец, один из сравнительно поздних татарских авторов передает легенду, согласно которой Мамай являлся предводителем племени кыйят, инкорпорированного в состав «правого крыла» джучидских владений (Spuler 1943: 112, п. 62).

¹ Применительно к ситуации второй половины XIV в. здесь указана оптимальная локализация западной границы.

В русских источниках наиболее ранние упоминания о деятельности ордынского эмира относятся к 1361 г. Несомненно, что русские летописи в разряде сообщений об Улусе Джучи объединяют под данным годом несколько несинхронных по отношению друг к другу событий, как действительно имевших место в указанное время, так и являющихся более поздними интерполяциями. К числу последних, например, относятся сведения о выдвигении на сарайский престол хана Мюрида (1362 г.) и о последующих территориальных приобретениях Булат-Тимура. Отмеченная особенность получила явственное выражение в повествовании Рогожского летописца, где под названным годом изложены три совершенно разнородных варианта событий, произошедших после смерти Хызра. Наиболее близкая указанному времени версия, непосредственными авторами которой, возможно, выступали тверские очевидцы (Егоров 1980: 188), перечисляет следующие эпизоды: убийство хана Хызра и воцарение его «сына болшаго», смерть последнего и столь же кратковременное правление Ордумелика, очередная ордынская «замятня» при участии «старых князей» (Рогожский летописец 1965: стб. 71). Другой вариант, объединяя события по крайней мере двух лет, представляет уже менее последовательную схему: утверждение в Сарае хана Мюрида, бегство за Волгу Тимур-Ходжи и его убийство, отход за Волгу Мамаю с Ордой и «всеми царицами», образование улуса Секизбея в Запьянье (Рогожский летописец 1965: стб. 71). Наконец, третье, самое распространенное повествование группирует все относящиеся к ордынской тематике события на протяжении ближайших двух-трех лет, дополняя их при этом новыми фактами и действующими лицами (Рогожский летописец 1965: стб. 70). Текстологический анализ Рогожского летописца позволяет выделить в составе его сведений по крайней мере два независимых источника: тверскую летопись или тверские известия, частично отразившие события периода 1328-1374 гг., и московский летописный свод 1408 г. Несомненно, что первая из указанных выше версий Рогожского летописца (равно как и другие оригинальные сообщения этого источника в рамках отмеченного периода) восходит к сведениям тверского протографа XIV столетия. Подверженная компилятивному синтезированию «распространенная» редакция имеет в своей основе другой источник (по-видимому, московский свод 1408 г.), и, с несущественной для общей структуры изложения вариативностью второстепенных деталей, одинаково присутствует во многих летописных текстах XV-XVII вв. (ср., например: Рогожский летописец 1965: стб. 70; Симеоновская летопись 1913: 101; Московский летописный свод 1949: 181; Патриаршая или Никоновская летопись 1965: 233 и др.). Применительно к рассматриваемой теме особый интерес представляет воп-

рос о времени отмечаемого выделения Орды Мамаю. Решение данной задачи, в значительной мере, взаимообусловлено с установлением причин конфронтации Мамаю с сарайскими владетелями.

Как известно, непосредственное вмешательство правителей восточной части Улуса Джучи в борьбу за престолонаследие в Золотой Орде (Ак-Орде) было спровоцировано осложнением династической ситуации, создавшимся после смерти Бердибека и двух его ближайших преемников на сарайском престоле — Кульпы и Науруза (Егоров 1974: 45 сл.). С завершением завоевательных походов, прежние защитно-правовые механизмы, закреплявшие за младшими сыновьями правонаследование отцовского юрта, уже не акцентируются и не реализуются, в силу того обстоятельства, что старшие потомки не могли, как раньше, обеспечить себя новыми улусами, образованными в результате проведения военных кампаний. Указанный принцип престолонаследия, во многом подчиненный обычному правовому регулированию, был приспособлен и имел функциональную значимость лишь для «героического» периода, главная потребность которого заключалась в расширении подвластных территорий и в увеличении численности зависимого населения. В новых условиях реализация практики престолонаследия все чаще сопровождается попытками со стороны менее привилегированных членов рода добиться устранения родственников, обладающих более весомыми правовыми гарантиями. Так, в первой половине XIV в. с соизволения Узбека был убит его двоюродный брат и сын хана Токты Ильбасмыш. В момент воцарения Джанибека был устранен другой законный наследник престола — Тинибек, а приход к власти Бердибека, согласно сообщению Му'ин ад-Дина Нанзи, отмечен истреблением всех родных братьев нового хана (Тизенгаузен 1941: 129 / 234), в количестве 12-ти человек — конкретизируют это свидетельство русские летописцы (Московский летописный свод 1949: 180 и др.). При создавшейся в Ак-Орде династической ситуации, обусловленной отсутствием прямых наследников из рода Бату, на роль верховного правителя могли теперь претендовать и представители Джучидов, происходившие от линий, непосредственно не связанных с именем второго сына Джучи. Если прежде сарайские Джучиды выносили формальный вердикт утверждению в своих улусах кок-ордынских династов и потомков Шибана, то последние в 60-70-е гг. XIV в. сами активно включаются в борьбу за сарайский престол. Внутриполитическая история Улуса Джучи на всем протяжении указанного периода определялась противостоянием различных династических группировок в борьбе за верховную власть.

Все действия, предпринимаемые Мамаем на начальном этапе его политической карьеры,

характеризуют этого сановника как сторонника реставрации власти представителей «старой» династической линии. Более того, Мамай, благодаря своей женитьбе на дочери Бердибека, также был причастен к ханской фамилии. Упоминание присутствия в Орде Мамаю «всех цариц» косвенно подтверждает достоверность этой информации Ибн Хальдуна. Носитель почетного брачно-социального титула «гурган» («ханский зять»), являлся вполне привлекательной фигурой для противников утверждения в Сарае выходцев из среды восточной аристократии. Достаточно отметить, что вышеназванный титул в 80-е гг. XIV в. становится обязательным атрибутом официальных обращений и монетных легенд самаркандского эмира Тимура, ставшего впоследствии основателем новой династии среднеазиатских правителей.

Пожалуй, наиболее критическая ситуация для окружения ак-ордынских владетелей возникла с приходом на Нижнюю Волгу в начале лета 1360 г. «заяицкого царя» Хызра, которого отдельные генеалогические построения связывают с родом Шибана по линии его третьего сына — Кадака (Материалы по истории Казахских ханств 1969: 37). Русские летописи под 1360 г. сообщают о «великой замятне» в Орде, сопровождаемой репрессиями со стороны нового хана: казни Науруза, его сына, матери Джанибека — Тайдулы и ордынских «князей», сопротивление «Муалбузина чади», имя предводителя которой столь напоминает влиятельного сановника 50-х гг. — Могалбея (Патриаршья или Никоновская летопись 1965: 232). Возможно, что именно эти события предрешили откочку многих приверженцев прежней династии в единственно приемлемом западном направлении. Вероятно также, что сведения Ибн Хальдуна о победе Мамаю над неким Кутлуг-Темиром (Тизенгаузен 1884: 390 / 374), называют здесь наместника Крыма 50-х гг. и отражают факт переподчинения этой провинции. Территория Северного Причерноморья становится в это время местом сосредоточения и основным оплотом всех сил оппозиции режиму восточных ставленников в Сарае.

Первое выступление Мамаю против восточных династов соотносится в русских источниках с эпизодом низложения Тимур-Ходжи (конец лета — начало осени 1361 г.). Следует отметить, что некоторые летописцы называют здесь и хана Абдуллаха (Авдулу), уже в качестве признанного «царя» отложившейся Орды (Симеоновская летопись 1913: 101; Рогожский летописец 1965: стб. 70; Патриаршья или Никоновская летопись 1965: 233 и др.). Вместе с тем, во всех известных случаях данный пассаж характерен именно для изложения условно выделенной нами «распространенной» версии, что, в свою очередь, предполагает необходимость хронологической корректировки указываемого здесь события. Отмеченный выше фрагмент Рогожско-

го летописца, как исходящий от непосредственных очевидцев событий 1361 г. в Орде, исключает из числа фигурантов соответствующего эпизода и Мамаю, и Абдуллаха. Участие названного «царевича» в событиях на Нижней Волге фиксируется этим источником уже под следующим 1362 г., — в рассказе о противостоянии между Кильдибеком и Мамаем, с одной стороны, и Мюридом — с другой (Рогожский летописец 1965: стб. 73). Наконец, датировка наиболее ранних сарайских монет, выпущенных от имени Абдуллаха, определяется 763 (31.10.1361 — 20.10.1362 гг.) и 764 (21.10.1362 — 9.10.1363 гг.) гг. (Федоров-Давыдов 1987: 111, №24; Янина 1954: 445, №99), что также указывает на поход, имевший место в конце 1362 г. и завершившийся захватом столичного центра. Скорее всего, упоминание имен ордынского эмира и его креатуры применительно к событиям 1361 г. возникло в результате отмечаемого объединения нескольких, независимых и несинхронных по отношению друг к другу свидетельств.

К осени того же 1361 г. относится начало монетной чеканки от имени нового сарайского владетеля — хана Кильдибека. Возвышению этого хана во многом способствовало то обстоятельство, что он объявил себя сыном умершего Джанибека (Тизенгаузен 1941: 129 / 234; Рогожский летописец 1965: стб. 70). Политическая направленность такой декларации очевидна. Объявив себя прямым потомком этого хана, Кильдибек выступил в качестве гаранта той сильной централизованной власти, какова была при его «отце» и, одновременно, противопоставил себя восточной аристократии в лице трех предшественников на сарайском престоле (Хызра, Тимур-Ходжи и Ордумелика). Демонстрация родовой причастности к ветви Джучидов, берущей свое начало от хана Бату, позволила Кильдибеку распространить контроль на сравнительно значительную территорию, ограниченную частью Поволжья, Приазовьем и мордовскими землями.

Письменные источники не содержат каких-либо конкретных данных, позволяющих установить характер взаимоотношений Мамаю с новым ханом. На протяжении 1362 г. русские летописи отмечают столкновения в Орде враждующих группировок, из которых явствует, что и Мамай, и Кильдибек вели в это время борьбу с очередным восточным ставленником — ханом Мюридом. Называемая Рогожским летописцем расстановка сил Мюрида и Кильдибека накануне решающего между ними сражения — «Хедырев сын Мурут на единой стороне Волги, а на другой Килдибек» — определяет местонахождение армии Кильдибека к западу от Волги (Рогожский летописец 1965: стб. 73). Небезынтересна в этом отношении и обнаруженная в составе Симферопольского клада пайцза, представляющая имя Кильдибека (Федоров-Давыдов 1994: 207). По-видимому, Кильдибек, а также все пос-

ледующие креатуры Мамаю оказались в Крыму после отмеченных выше событий, связанных с утверждением в Сарае «заяицкого» хана Хызра. Вероятно также, что лишь после поражения и смерти Кильдибека летом или осенью 1362 г. (см. Насонов 1940: 120), в «Мамаевой Орде» состоялась инаугурация Абдуллаха, бывшего, по словам Ибн Хальдуна, «отроком из детей Узбека» (Тизенгаузен 1884: 390 / 373).

В том же 1362 г. Мамай предпринимает первую акцию, направленную на захват столичных поволжских центров. Здесь он вступает в борьбу с Мюридом, не имеющим, с точки зрения приверженцев «старой» династической линии Джучидов, законных прав на обладание верховной властью. Временный захват Мамаем джучидской столицы получил отражение в следующем пассаже русских летописей: «Бысть в та времена на Волжском царствии два царя: Авдула царь Мамаевы Орды..., а другой царь Амурат с сарайскими князи» (Патриаршья или Никоновская летопись 1965: 233). Дальнейшие итоги этой конфронтации в определениях русских авторов получают неоднозначную оценку. Если в одних источниках утверждается, что «Амурат изгоном приде на Мамаю князя и многих у него татар побил», то другие летописи констатируют прямо противоположный факт (ср. Сафаргалиев 1960: 124; Патриаршья или Никоновская летопись 1965: 233). По-видимому, борьба Мамаю с Мюридом на Нижней Волге не увенчалась сколько-нибудь существенной победой ордынского темника. После кратковременного захвата Сарая в конце 1362 г. Мамай возвращается в пределы западной части Ак-Орды. Возможно, что его отказ от проведения дальнейших военных операций в Поволжье был продиктован изменением политической конъюнктуры на западных рубежах ордынских владений. Именно в начале 1363 г. литовская армия Ольгерда разбивает при Синих Водах (р. Синюха, приток Южного Буга) отряды трех местных держателей улусов.

Обращают на себя внимание личности татарских «князей», участвующих в этом сражении и являющихся, по определениям белорусско-литовских источников, «отчичими и дедичими Подольской земли» (Летописи белорусско-литовские 1980: 74 / 186). Называемые здесь под 1363 г. воеводы Хачебей, Кутлугбуга и Дмитрий неоднократно фигурируют в несинхронных этому событию документальных материалах. Так, Кутлуг-Буга упоминается в числе эмиров, принимавших участие в ратификации торговых договоров с венецианцами в 1347 и 1358 гг. (Mas Latrie 1848: 589, 595); указан среди должностных лиц в инструкции каирской канцелярии (Тизенгаузен 1884: 348 / 338); в тексте ярлыка Бердибека, адресованного митрополиту Алексею (Памятники русского права 1955: 470); в обращении ярлыка Токтамыша от 1382 г. и в содержании договора с генуэзцами от 1387 г., где Кут-

луг-Буга назван в качестве правителя Крыма (Березин 1861: 15 / 13; Мурзакевич 1837: 55); в письме Токтамыша 1393 г. к польскому королю Владиславу Ягайле (Радлов 1888: 6). Наконец, в Рогожском летописце упоминается «Ильяс Кутлугбузин сын», который в 1365 г., по-видимому, в качестве посла Мамаю посетил литовского князя Ольгерда (Альгирдаса) и его тверского шурина — Михаила Александровича (Рогожский летописец 1965, стб. 79). Этот же «Еллияс сын Инака Кототолобоги» титулуется как «господин Солхата» в договоре с генуэзцами, датированном 1381 г. Здесь также назван некий Мерет-Буга, чей отец — Ягалтай известен по спискам эмиров от 1347 и 1358 гг. (Desimoni 1887: 162, 165; Mas Latrie 1848: 589, 595). Упомянутый Хачебей (Хазебей, Хазибий) в дальнейшем принял участие в битве на р. Божье в 1378 г., где он указан в числе сподвижников Мамаю (Московский летописный свод 1949: 199 и др.). «Господин Деметрий, принц татарский» фигурирует в грамоте венгерского короля Людовика (Лайоша) 1368 г., обоюдно уравнивающей торговые привилегии брашовских купцов и их партнеров из «страны Деметрия» (DRH.D 1977: 49). Согласно предположению Б. Шпулера, в указанное время этот сановник был правителем гагаузской части Добруджи (Spuler 1943: 117). Приведенные свидетельства позволяют отметить то обстоятельство, что из четырех высших сановников государства при Бердибеке, по крайней мере, двое эмиров (Могалбей и Кутлуг-Буга) известны в 60-е гг. как противники утверждения в Сарае восточных ставленников. Посредством реставрации власти прежней династической линии Джучидов они рассчитывали возратить утраченные должности и привилегии.

Находясь в пределах западных районов государства, Мамай предпринимает ряд организационных мер, призванных обеспечить экономическую стабилизацию и закрепить статус нового политического образования для своей Орды. В результате проведения военных кампаний 1362-1363 гг. в Азаке (Тане) отмечается значительный приток рабов, что не замедлило сказаться как на существенном снижении стоимости «живого товара» на местном невольничьем рынке, так и на общей активизации деятельности иноземных негодантов в Причерноморье (Карпов 1991: 193). Этому же способствовали и определенные торговые привилегии, предоставленные венецианскому купечеству в 1362 г. (Скржинская 1973: 116). В следующем, 1363 г. в Азаке возобновляется монетная чеканка от имени нового хана Абдуллаха, а еще через год список джучидских монетных дворов дополняется еще двумя центрами, известными под названиями «Орду» и «Шехр ал-Джедид» (монетные легенды представляют также и тюрко-персидский эквивалент последнего наименования — «Янги-Шехр»). О возможном их местоположении высказываются различные версии

(см. Федоров-Давыдов 1960: 188; 1994: 40; Янина 1977: 193-210; Григорьев 1983: 34-35; 1990: 152-157; Егоров 1985: 85 и др.), однако относительно территориальной атрибуции Шехр ал-Джедид следует учесть, что значительное количество монет этого центра обнаружено в составах монетных комплексов именно приднестровских памятников (Требужны, Костешты, Белгород-Днестровский, Сесены, Лозово и др.). Собранный на приднестровских городищах нумизматический материал, датированный периодом правления Абдуллаха, уступает в количественном отношении разве что наиболее обильным на протяжении первой половины XIV в. эмиссиям Джанибека (ср. Руссев 1990: 119). Характерно, что медные пулы начала 50-х гг. подвергались здесь перечековке с размещением на оборотной стороне обозначения нового места выпуска — Шехр ал-Джедид (Полевой 1960: Табл. II, 5-8; 1969: 117). Приведенные данные подтверждают предположение С.А.Яниной о локализации «Нового города» в пределах приднестровского региона. По-видимому, в начале 60-х гг. XIV века сокращение территории Ак-Орды происходило не столько в западном направлении, сколько за счет отторжения отдельных северо-западных районов.

Обращает на себя внимание и само название нового центра, которое демонстрирует семантическую близость с топонимом «Сарай ал-Джедид» и, возможно, противопоставляется последнему, принимая на себя значение столичного города «Мамаевой Орды». Использование данного наименования являлось еще одним выражением своеобразной политической демонстрации в знак протеста на утверждение восточных династов в столичных центрах Поволжья.

Внешнеполитическая деятельность Мамаю диктовалась на данном этапе двумя основными мотивами: предотвратить дальнейшую экспансию со стороны Великого княжества Литовского и утвердить патримониальный приоритет в отношении русских подданных. Еще зимой 1362 г. московский князь Дмитрий Иванович, получивший ярлык на великое княжение от хана Мюрида, сменяет на великокняжеском посту прежнего суздальского владетеля. В следующем 1363 г. свой ярлык направляет московскому князю и Мамаю, подчеркивая этим нелегитимный характер более раннего пожалования. Попытка очередного восточного династа — хана Азиз-Шейха создать в конце 1364 г. приемлемую для него систему русской политической иерархии (наделение ярлыком суздальского князя Дмитрия Константиновича, утверждение его брата Бориса в Нижнем Новгороде) встречает жесткие контрмеры со стороны и Москвы, и «Мамаевой Орды». Дмитрий Иванович, опираясь на поддержку Мамаю и невзирая на возможные санкции со стороны сарайского хана, заставил суздальского владетеля отречься от великокняжеского престола. Показательно, что

получивший ярлык Дмитрий Константинович «отступился великого княжества» без какого-либо противодействия навязанному ему решению (Московский летописный свод 1949: 181-182). Проявление подобного отношения к предоставленным Сараем прерогативам выражает общерусскую оценку военного превосходства Мамаю над своими нижеволжскими противниками. Описанные дипломатические демарши, в то же время, свидетельствуют не столько о сложении военно-политического союза между Мамаем и московским князем, сколько о стремлении Мамаю утвердить собственный сюзеренитет по отношению к русским подданным.

Одновременно Мамаю демонстрирует готовность к установлению союзнических отношений с Литовским княжеством. Сторонником и посредником этого сближения выступала Тверь, связанная с Великим княжеством Литовским матримонимальным союзом и политическими обязательствами. Характерно, что после 1364 г., военные столкновения между литовскими войсками и силами Мамаю неизвестны. Более того, в дальнейшем ордынский контингент в составе литовской армии Ольгерда и Кейстута принимает участие в военных действиях на территории Восточной Пруссии — битва при Рудаве в начале 1370 г. (Пашуто 1982: 275). Возможно, что в 1365 г. между Мамаем и Ольгердом был достигнут компромисс, предусматривающий не только взаимные соглашения о ненападении, но и положение о военной поддержке в случае ведения войны одной из сторон. По-видимому, с целью заключения этого соглашения в качестве посла Мамаю в Литву и Тверь был направлен Ильяс, сын вышеупомянутого Кутлуг-Буги (Рогожский летописец 1965: стб. 79). В этой связи обращает также на себя внимание и одно из сообщений Рогожского летописца, согласно которому во время летних событий 1375 г. тверичи ожидали поддержки именно со стороны Литвы и татар.

Предпринятые дипломатические меры позволили Мамаю продолжить борьбу со своим главным противником на Нижней Волге. В 1366 г. Мамаю организует очередную акцию, направленную на захват городских центров Поволжья. При этом путь его армии пролегал через Северный Кавказ, о чем свидетельствуют монеты 767 г.х. (18.9.1365 — 6.9.1366 гг.), выпущенные от имени его креатуры в Маджаре (Ртвеладзе 1971: 83 сл.). В следующем, 768 г.х. (7.9.1366 — 27.8.1367 гг.) монетная чеканка Абдуллаха производится и в столице Улуса Джучи (Савельев 1858: 242 сл., №71). В числе последствий этой экспансии следует отметить устаревание очередного восточного владетельника — хана Азиз-Шейха, а также временное прекращение функционирования поволжских монетных центров.

Вместе с тем отсутствие Мамаю в пределах ранее контролируемой им территории ознаме-

новалось для ордынского эмира новыми уступками в западной части Ак-Орды. С 767 г.х. наблюдаются определенные изменения в репертуаре надписей на монетах из Шехр ал-Джедид. Отныне легенды лицевой стороны местных дирхемов демонстрируют усечение первого слога в имени хана Абдуллаха. Сохранившаяся часть «Аллах» перестает определять принадлежность данной группы монет названному эмитенту, придавая, таким образом, анонимный характер монетной продукции (Янина 1977: 209). Еще через два года Шехр ал-Джедид прекращает свою деятельность в качестве центра монетной чеканки. Данное обстоятельство, равно как и выявленное при археологическом обследовании Старого Орхя частичное разрушение этого города, объясняются последствиями походов молдавских воевод (Полевой 1979: 31 сл.). Результатом миграционных процессов, наблюдаемых в это время на территории Пруто-Днестровского региона, явилось также вытеснение носителей синкретической культуры ордынских родов на левобережье Днестра.

Следующее упоминание об ордынском сановнике в русских летописях относится к 1370 г., когда «Мамай посади у себе в Орде другаго царя Мамант Салтана» (Московский летописный свод 1949: 185). За неимением каких-либо комментариев к констатации данного события, установление причин низложения прежнего династа не представляется возможным. Личность «Мамант Салтана» обычно соотносится с известным по монетным легендам ханом «Мамаевой Орды» — Мухаммедом-Буляком (Мухамдиев 1983: 96; Егоров 1980: 207 и др.). Двойное написание этого имени возникло в результате объединения монет, выпущенных от имени Мухаммеда с лакабом «Гийяс ад-Дин в'ад-Дунийя» или без такового с дирхемами 777 (2.6.1375 — 20.5.1376 г.) и 782 (7.4.1380 — 27.3.1381 г.) г.х., где правитель фигурирует под именем «Буляк» или «Туляк» (ввиду отсутствия диакритических знаков возможны оба прочтения). Весьма показательной, на наш взгляд, является употребляемая на этих монетах теократическая формула «власть (принадлежит) богу», декларирующая мусульманскую ориентацию правителей «Мамаевой Орды». Подобная демонстрация может свидетельствовать о стремлении Мамай заручиться поддержкой со стороны городского населения Поволжья. В рамках реализации той же программы утверждения собственного авторитета в мусульманском мире, Мамай возобновляет прерванные при Джанибеке дипломатические отношения с Египтом (Тизенгаузен 1884: 350 / 339 сл.).

Дальнейшая деятельность ордынского темника в изложениях русских авторов представлена, как правило, сообщениями о появлениях отрядов из «Мамаевой Орды» в пределах нижегородских и рязанских владений. Отдельные столкновения между ордынскими держателями

периферийных улусов и князьями Северо-Восточной Руси отмечаются еще на протяжении 60-х гг. XIV века (походы Тагая и Булат-Тимура в 1365 и 1367 г.). Наблюдаемая здесь конфликтная ситуация провоцировалась территориальными спорами на предмет принадлежности земель, расположенных в междуречье Оки и Суры. Во второй половине XIV в. этот район Среднего Поволжья становится зоной интенсивного этнического взаимодействия финно-угорского, славянского и тюркского компонентов. Вряд ли здесь существовали твердо установленные границы. Скорее всего, территориально-административное соотношение определялось этногенетической и конфессиональной причастностью конкретных групп населения. Возникновение такого положения явилось следствием целенаправленной политики русских князей по укреплению своих позиций на северо-восточных рубежах. Совокупность сложившихся к этому времени внутренних (относительная незаселенность территории, приток переселенцев, торгово-экономическое значение региона) и внешних (децентрализация Ак-Орды, удаленность от основных очагов политической борьбы) факторов обеспечивала сравнительно быстрые темпы русской колонизации этой части Среднего Поволжья. Если середина XIV столетия знаменуется созданием поокского участка пограничной системы — допуском расселения по Волге, Оке, Кудьме и «по мордовским селищам» (Тюрина 1981: 36), то уже в начале 70-х гг. русские форпосты северо-восточной засечной линии возводятся по левобережью Суры и Пьяны (Рогожский летописец 1965: стб. 100; Тюрина 1981: 38). По-видимому, именно усиление русского влияния в этом регионе (расширение контролируемой территории, походы ушкуйников 1360, 1366, 1374, 1375 г., утверждение московских ставленников в Булгаре в 1377 г.) предопределило перемещение административно-политического центра болгарских земель в менее доступный северный район (Егоров 1985: 102 сл.). Упоминание в договоре 1382 г. «татарских мест», захваченных рязанским князем Олегом Ивановичем (Духовные и договорные грамоты 1950: 29), свидетельствует о наличии сходных процессов в бассейне среднего течения Оки и в верховьях Мокши. В свете отмечаемой здесь тенденции русского продвижения на восток неудивительно, что именно Нижегородское и Рязанское княжества становятся в это время основными объектами карательных экспедиций, направляемых со стороны «Мамаевой Орды».

Мамай, выступавший в роли реаниматора старых порядков, после захвата столичных нижегородских центров, стремится к восстановлению централизованной власти для всех поволжских улусов. В том же 1370 г., при участии нижегородской дружины Дмитрия Константиновича, в Булгаре, в качестве соправителя местного владетеля Хасана, утверждается «Салтан Ба-

ков сын» (Московский летописный свод 1949: 185). Сопровождавший русских князей в этом походе царский посол Ачиходжа упоминается в летописях и под 1375 г., когда он доставил тверскому князю Михаилу ярлык на великое княжение. Таким образом, данное сообщение свидетельствует о временном установлении контроля Мамаю над всей территорией Поволжья.

Последующая деятельность Мамаю в Среднем Поволжье определяется в контексте «размирья» ордынского эмира с московским князем и его союзниками на северо-восточных окраинах русских земель. Летописные свидетельства, отражающие взаимоотношения основных фигурантов событий, предшествующих Куликовской битве, целесообразно сгруппировать в виде хронологической таблицы.

Год	Русские княжества и Литва	«Мамаева Орда» и русские княжества
1371	Заключение перемирия между Москвой и Литвой.	Предоставление тверскому князю Михаилу Александровичу ярлыка на «великое княжение». Наделение соответственным ярлыком московского князя.
1372	Оформление союзнических отношений между Москвой и Рязанью. Третий поход Ольгерда при участии тверского князя на Москву.	Основание Борисом Константиновичем крепости Курмыш на Суре.
1373	Борьба между Москвой и Тверью.	Поход отряда из «Мамаевой Орды» на Рязанское княжество.
1374	Переславльский «съезд» русский князей.	«Розмирие» между московским князем и Мамаем. Расправа с Мамаевыми послами в Нижнем Новгороде.
1375	Борьба Москвы с Тверью. Признание тверским князем вассальной зависимости от Москвы.	Предоставление тверскому князю ярлыка на «великое княжение». Поход отряда из «Мамаевой Орды» в Запьянье. Захват Новосила.
1376		Утверждение русских ставленников в Булгаре.
1377	Смерть великого князя литовского Альгирдаса (Ольгерда).	Поход «татарской рати» при участии «мордовских князей» на нижегородские владения. Битва при р.Пьяне. Захват Нижнего Новгорода. Действия «мордовских князей» в районе Пьяны.

за разграничение сфер влияния в Среднем Поволжье, может объясняться ослаблением позиций Мамаю на Нижней Волге.

В 773 г.х. (15.7.1371 — 2.7.1372 г.г.) в Сарае ал-Джедид выпускаются медные монеты от имени Тулунбек-ханум (Френ 1832: 22, №179). Отсутствие какой-либо информации об этой правительнице в письменных источниках вызвало появление в современных исследованиях взаимоисключающих версий, касающихся происхождения Тулунбек-ханум и идентификации ее имени (Ахмедов 1965: 34; Григорьев 1983: 43 и др.).

Под 1375 г. в русских источниках содержатся сообщения еще об одном нижеволжском правителе, определяемом в качестве «Хазитороканьского князя» (Московский летописный свод 1949: 192 и др.). Личность Салчая русских летописей, уничтожившего «лестью» новгород-

Хронологическая очередность указанных здесь событий свидетельствует, что наивысшая активизация действий Мамаю на северо-восточных рубежах русских владений (1377-1378 г.г.) последовала уже после установления русского контроля в этом регионе и нейтрализации основных внешнеполитических противников московского князя. Инициатива «размирья» при этом исходила непосредственно от Дмитрия Ивановича и союзного ему нижегородского владетеля. Участие «мордовских князей» в военных действиях против Нижегородского княжества подтверждает присутствие территориальной мотивации в политической практике местных феодалов. В то же время эпизодический характер набегов из «Мамаевой Орды», равно как и запоздалое ее вовлечение в борьбу

ских ушкуйников Прокопа, соотносится с владельцем Хаджи-Тархана, выпускавшего здесь в 776 г.х. (12.6.1374-11.6.1375 г.г.) медные монеты от имени Черкесбека (Френ 1832: 22, 182). То же имя, переданное в форме «Хаджичеркес», зафиксировано в сочинении Ибн Хальдуна, передающего титул хаджитарханского «князя» посредством арабского эквивалента «эмир». Согласно сообщениям Ибн Хальдуна, Хаджичеркес в одном из сражений разбивает армию Мамаю и на некоторое время захватывает столичный город, после чего ордынский темник был вынужден удалиться в Крым (Тизенгаузен 1884: 391 / 374). Возможно, что отход Орды Мамаю из Нижнего Поволжья демонстрируют монеты его креатуры — хана Мухаммеда, чеканенные в 774 г.х. (3.7.1372-25.6.1373 г.г.) в городе Маджар ал-Джедид (Френ 1832: 21, №174). Вероятно также, что косвенным подтверждением от-

мечаемой Ибн Хальдуном конфронтации является описанная в генуэзских анналах пиратская экспедиция (1374 г.) Л.Тариго на Нижнюю Волгу (Мурзакевич 1837: 45), осуществление которой было невозможно без получения на то соответствующих санкций со стороны Мамаю.

Повествуя о дальнейших событиях 776 г., Ибн Хальдун рассказывает о борьбе Хаджичеркеса с представителем рода Тука-Тимура — ханом Урусом, сумевшим после нескольких поражений подчинить своей власти столичный город (Тизенгаузен 1884: 391 / 374). Известные монеты Урус-хана, помимо присырдарьинских городов, представляют также и сарайский монетный двор под 782 г. (7.4.1380 — 27.3.1381 гг.) (Савельев 1858: 437 сл., 433 сл.). Однако такая атрибуция противоречит времени смерти этого хана, определяемого различными восточными авторами 776, 777 или 778 г.г. (Тизенгаузен 1884: 391; 1941: 108, 149; Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи 1980: 99). Учитывая данное обстоятельство, мы предлагаем возможное прочтение года на сарайских дирхемах Уруса как 776 г. (последние две цифры даты вырезаны изготовителями монетных штемпелей в перевернутом виде и в зеркальном отображении), а вместе с тем и отнесение хронологии похода Уруса в Поволжье к первой половине 1375 г.

Путь армии Уруса из Средней Азии на северо-запад пролегал через Мангышлак, где был казнен отец Токтамыша — местный владетель Туй-Ходжа (Тизенгаузен 1941: 131 / 236). Далее войска прошли через Сарайчик на Яике, правителем которого в 775 г. (26.6.1373 — 11.6.1374 гг.) являлся один из потомков Шибана, известный по монетным легендам под именем Алп-Ходжа (Савельев 1858: 419 сл., №418) и как Ильбек (Ильбан, Ильсан, Ильпак, Айбек), — по сочинениям восточных авторов (Шейбаниада 1849: 69; Тизенгаузен 1884: 391 / 374; 1941: 54 сл.; Родословное древо тюрков 1906: 160 сл.; Хафиз-и Таныш ибн Мухаммад Бухари 1983: 76 / 27а и др.). Срок пребывания Уруса в Нижнем Поволжье не превышал нескольких месяцев, поскольку уже в следующем 777 г. в Сарае ал-Джедид чеканятся монеты от имени старшего сына Алп-Ходжи — Каганбека (Френ 1832: 22, №183; Янина 1958: 447, №108). В передаче событий 1377 г. русские летописцы фиксируют появление на Волге еще одного правителя из «Синие орды» — хана Арабшаха (Московский летописный свод 1949: 194 и др.). Генеалогические построения средневековых источников называют Арабшаха сыном Пулада или Фулада (Шейбаниада 1849: 69 сл.; Тизенгаузен 1941: 55; Родословное древо тюрков 1906: 160 сл.; Материалы по истории Казахских ханств 1969: 35; Хафиз-и Таныш ибн Мухаммад Бухари, 1983: 76 / 27а и др.), являющегося, в свою очередь, братом упомянутого Алп-Ходжи. Известные монеты этого эмитента выпускались в

Сарае ал-Джедид на протяжении 779 (10.5.1377 — 30.4.1378 гг.) и 782 г.г. (Савельев 1858: 430 сл., №427 сл.; Янина 1958: 447, №109; Федоров-Давыдов 1978: 46, №156), что позволяет утверждать о сохранении контроля со стороны Арабшаха над столицей Улуса Джучи вплоть до вступления на сарайский престол Токтамыша (конец 1380 г.). Борьба между различными династическими группировками в Нижнем Поволжье этого времени нашла отражение в пассаже арабского автора ал-Дженнаби: «Потом стали усиливаться смуты и неурядицы между эмирами и разделились голоса в Дешт-Кыпчаке. Одни были за Урус-хана, [одного] из потомков Чингиз-хана, другие за Токтамыша, а некоторые — за Абав-Араб-оглана (т. е. за «царевича» Арабшаха — Ю.В.)» (Тизенгаузен 1884: 537 / 536).

Отход орды Мамаю из Поволжья и отмеченные выше события предопределили всплеск антиордынской активности в русских княжествах, наблюдаемый в середине 70-х гг. В условиях политической дестабилизации ответные действия Мамаю ограничивались организацией кратковременных экспедиций в Среднее Поволжье, призванных скорее лишь подкрепить дипломатическое давление. Формальным поводом к дальнейшему обострению взаимоотношений с Московским княжеством послужило требование Мамаю об уплате дани в прежних объемах «русского выхода» (Сказания и повести о Куликовской битве 1982: 18 / 142, 53 / 179). Переяславльская программа антиордынского единения русских княжеств перерастает в конце 70-х гг. в идею о необходимости полного разгрома сил «Мамаевой Орды».

Определенные признаки свидетельствуют и об аналогичных приготовлениях со стороны Мамаю. Незадолго до Куликовской битвы ордынский эмир проводит очередную замену своей креатуры в Орде, в результате которой прежний 18-летний хан вместе с приближенными был казнен, а на его место заступил новый правитель, известный по монетным легендам под именем «Буляк» или «Тюляк» — второе прочтение более приемлемо (Мухамадиев 1983: 97; см. также версию убийства Мамаю своего царя в Патриаршей летописи под 1380 г.). Это же имя, переданное в форме «Тюляк», упоминается в тексте ханского ярлыка от 1379 г., выданного митрополиту Михаилу (Митяю) (Памятники русского права 1955: 465). Сходная транслитерация «Теляк» или «Тетяк» содержится в изложениях летописных «сказаний» и «повестей» о Куликовской битве (Сказания и повести о Куликовской битве 1982: 20 / 144). Этимология данного антропонима определяется тюркским прозвищем, означающим в переводе «заикку», «бормотуна», а личность последнего отождествляется либо с фигурой самого Мамаю (Егоров 1980: 208 сл.), либо с его ставленником (Григорьев 1983: 47). Последнее предположение нам представляет

ся более убедительным, поскольку один из пассажей Новгородской IV летописи называет «царя Теляка», в то время как Мамай, который «разгордился мнев себе аки царя», тем не менее титулуется не иначе как «ордынским князем» (Сказания и повести о Куликовской битве 1982: 16, 20 / 140, 144). Прямые указания на присутствие в «Мамаевой Орде» номинального правителя из рода Чингизидов накануне решающего сражения содержит также Новгородская I летопись младшего извода (Новгородская Первая летопись 1950: 376).

Обращает на себя внимание приводимый «повестями» перечень народов, выступивших в 1380 г. на стороне Мамаю. Среди таковых фигурируют татары, половцы, армяне, черкасы, ясы, буртасы и фрязы. Данный список, упоминающий как представителям «титального» населения Улуса Джучи (татары, половцы), так и жителей периферийных областей (асы, черкасы, армяне, буртасы), отражает степень контроля ордынского темника над территорией западной части государства. По-видимому, в середине 1380 г. Мамай в очередной раз пытается утвердиться в нижневолжских центрах, о чем свидетельствуют монеты хана Туляка, выпущенные в Хаджи-Тархане в 782 г.х. (Савельев 1858: 418, №416).

Под упомянутыми в русских источниках «фрязами» следует понимать западноевропейское население крымских и приазовских колоний. Следует отметить, что во второй половине 60-х гг. взаимоотношения жителей Каффы с Мамаем были достаточно напряженными. Письменные источники этого времени представляют краткие сообщения об имевшем место военном конфликте между Мамаем и генуэзскими колонистами Крыма. Последние летом 1365 г. захватили у «гордых и сварливых греков» город Солдайю (Судак) с прилегающей сельскохозяйственной округой (Мурзакевич 1837: 42), однако впоследствии им пришлось уступить Солдайю и 18 мелких поселений «сеньору Мамаю» (Desimoni 1887: 163). Датировка этого похода Мамаю затруднительна, поскольку указанные события не имели строгой хронологической последовательности (к моменту переподчинения Солдайи Мамаю генуэзцы успели учредить здесь католическую епархию). По-видимому, упомянутые фрязы, армяне, черкасы и асы ордынской армии набирались из числа жителей подвластных Мамаю крымских и приазовских центров с полиэтническим составом населения.

На стороне Мамаю выступил и литовский князь Ягайло, что позволяет отметить осуществление союзнических договоренностей между двумя сторонами и при княжении преемника Ольгерда. Отсутствие литовских отрядов на поле битвы было предопределено самим ходом сражения: князь Ягайло изначально занимает явно выжидательную позицию. Последующие действия литовцев отмечены составителями прусских хроник: «когда они (русские — Ю.В.)

шли из боя, они столкнулись с литовцами, которые были позваны татарами туда на помощь, и убили русских очень много и взяли у них большую добычу, которую те взяли у татар» (Бегунов 1966: 507).

Версия дальнейших событий, представленная в русских летописях, сводится к сообщению о подготовке Мамаем новых отрядов для организации очередного похода на владения московского князя и его союзников. Эти планы были сорваны вторжением с востока, «из Синия Орды», армии Токтамыша, захватившего к данному времени большую часть территории Улуса Джучи. Встреча двух противников на р. Калке завершилась переходом «Мамаевых князей» на сторону нового хана (Московский летописный свод 1949: 205; Рогожский 1965: стб. 141 и др.). В числе последних, несомненно, находились упомянутые выше Кутлуг-Буга и его сын Ильяс, получившие затем влиятельные должности в составе улусной администрации Крыма. Очередная неудача заставила ордынского эмира вновь возвратиться в Крым, где он надеялся получить помощь от генуэзских колонистов. Характерно, что требование Мамаю о предоставлении ему убежища в Каффе мотивировалось ссылкой на какие-то ранее достигнутые договоренности — «по докончанию и по опасу» (Сказания и повести о Куликовской битве 1982: 24 / 148). Возможно, что здесь идет речь о выполнении условий договора от 28.11.1380 г., где генуэзцы обязывались быть «друзьями его (татарского императора — Ю.В.) друзей, врагами его врагов» (Desimoni 1887: 163). Однако, жители Каффы, оценив реальное соотношение сил, предпочли конфликту с новым сарайским владельцем физическое устранение Мамаю.

Оформление «Мамаевой Орды» в качестве самостоятельной политической и государственной единицы проходило в условиях непрекращающейся борьбы с правителями восточной части Улуса Джучи. Политические амбиции отдельных представителей рода Джучидов, направленные на захват сарайского престола, прикрывались в это время лозунгом реализации династических прав. Наиболее частые обоснования, исходившие от возможных претендентов на верховную власть в Ак-Орде, заключались в декларации родовой причастности к ветви Джучидов, берущей свое начало от хана Бату. Практика демонстрации аргументов родовой причастности (подлинных или ложных) представлялась гарантией очевидного успеха не только для действительных обладателей законных прав на верховную власть в Улусе Джучи, но и для отдельных лиц, не принадлежащих к ханскому роду. В соответствии с общераспространенной в мусульманском мире традицией интронизация очередного правителя сопровождалась наделением его официальной титулатурой. Если первый ставленник Мамаю — хан Абдул-

лах признавался как прямой потомок Узбека, то сочетание имени (Мухаммед) и утвержденного лакаба (Гийяс ад-Дин) второго также указывает на попытку декларации преемственности от названного хана первой половины XIV в., но более «завуалированную», выражаемую лишь внешним сходством репертуаров монетных легенд. Несомненно, что близкое к этому значение имели и монетные надписи теократического содержания. Общая патриархальность социального и хозяйственного укладов в восточной части Улуса Джучи дополнялась сохранением здесь как элементов раннеимперской идеологии, так и архаичных мировоззренческих категорий. Показательно, что в соседних государственных образованиях со сходной общественно-политической ориентацией отдельные представители династии Чагатаидов, начиная с ее родоначальника, расценивались современниками как признанные хранители наследия «Великой Ясы» (Строева 1958: 207), а в отношении Тимура нередко выдвигались конфессиональные обвинения в несоблюдении норм шариата (Бартольд 1968: 171). Подобная демонстрация в знак протеста против экспансии со стороны восточных династий характерна и для хорезмского монетного чекана рассматриваемого периода.

Выдвижение одного из влиятельных эмиров, прикрытое присутствием номинальной креатуры из ханского рода, становится распространенным явлением, отмечаемым на протяжении XIV в. для хулагуидского Ирана, Чагатайского Улуса и Улуса Джучи. В условиях активизации внутривосточной борьбы и пресечения различных линий Чингизидов подобная тактика использовалась при реализации доктрины, рассчитанной в конечном итоге на «официальную» смену династии. Наиболее яркий пример действенности такой практики связан с личностью эмира Тимура, чье возвышение нашло затем обоснование в сфальсифицированной причастности к правящему роду Чингизидов (Веселовский 1891: 69 сл.). Деятельность Мамаея в этом направлении ограничилась выдвижением кандидатуры, находящейся в родственных отношениях с ордынским эмиром. Повидимому, именно таким образом следует понимать оборот: «Тюляково слово Мамаевою дядеюю мыслью», присутствующий в содержании ярлыка Туляка 1379 г.

Социальный статус Мамаея в определениях письменных источников не превышал его полномочий крупного военачальника, о чем свидетельствует русское титулование в качестве «темника» (Патриаршая или Никоновская летопись 1965: 233 и др.) и арабские эпитеты «воинствующий», «вождь ратей», «меч повелителя правоверных» (Тизенгаузен 1884: 350 / 340). Однако взаимоотношения Мамаея с представителями ханского рода сводились не только к обычному патронажу и обеспечению военной поддержки. О номинальном значении власти хана при фигуре ордынского темника не-

двусмысленно повествуют русские летописцы: «Царь их, не владеяше ничим же, и не смеаше ничто же сътворити пред Мамаем» (Приселков 1950: 416).

Благодаря присутствию многих должностных лиц из прежней администрации «Мамаева Орда» приобретает атрибутику государственной организации. Отдельные сообщения как будто указывают на наличие в «Мамаевой Орде» известного по письменным источникам института «4-х эмиров» (Тизенгаузен 1884: 348 сл. / 338 сл.). К сожалению, египетский информатор, рассказывая о содержании данного совета, объединяет разновременные (середины и 70-х гг. XIV в.) сведения, в связи с чем определение хронологии деятельности этого государственного органа в конкретном освещении не представляется возможным. Более достоверно можно судить о существовании в «Мамаевой Орде» канцелярского делопроизводства. Деятельность непосредственных исполнителей (послов, составителей переписки, переводчиков) соответственных административных ведомств нашла отражение в осуществлении многосторонних дипломатических связей Орды Мамаея с русскими княжествами, Литвой, итальянскими колониями и Египтом. Отмечаемые внешнеполитические события, особенно на протяжении первой половины 70-х гг., свидетельствуют о несомненных успехах отдельных дипломатических начинаний ордынского темника. Более того, сложившаяся при Мамае практика союзнических отношений с Литвой послужила основой для дальнейшего укрепления межгосударственного альянса между Токтамышем и Витовтом, а впоследствии становится центральной в дипломатии Гиреев.

На протяжении XIV в. именно западная часть Ак-Орды представляет наиболее показательные примеры роста правосубъектности местных улусных держаний. Возможно, что сравнительно широкое распространение практики ленных пожалований на данной территории определялось пограничным статусом этой провинции в целом, а также существованием здесь княжеств, колоний и отдельных городов с различной степенью политической зависимости (или независимых вовсе) от власти Джучидов. Уже в первой половине XIV в. здесь наблюдаются прецеденты наследственной правопреемственности в оформлении наместнических должностей. Определенные данные свидетельствуют о достаточно широких полномочиях крымских наместников хана. В их распоряжении находятся значительные воинские контингенты, они принимают посольства из других стран, от их имени заключаются международные соглашения, они проводят самостоятельную политику в коммерческих отношениях с иноземными представителями. Так, крымский наместник Туглук-Тимур в 30-е гг. предлагает венецианцам осно-

вать колонию в Боспоре («Vospogo» итальянских источников, современная Керчь) на условии взимания трехпроцентной пошлины от стоимости реализованных товаров (Heyd 1984: 187). Позже, в 1356 г., Рамадан на тех же условиях предоставляет для венецианской торговли порт Прованто (Mas Latrie 1848: 589-592). Обращает на себя внимание один из оборотов договора от 20.9.1358 г., заключенного между очередным «господином Солхата» — Кутлуг-Тимуром и венецианскими послами: «согласно [тому,] как вы платили Рамадану, так [пусть] дают и мне» (Mas Latrie 1848: 592). Возможно, что данный пассаж свидетельствует об использовании в некоторых крымских районах (в данном случае — в открытых для иноземной торговли портах Прованто, Кальере и Солдаёе) откупной формы сбора государственных податей. Но еще более вероятно, что на указанные местности распространялись тарханные привилегии ханских наместников Крыма, а все собранные налоги целиком поступали в их личную казну.

Рост административно-правовых иммунитетов крымских наместников являлся одним из важнейших факторов децентрализации этой провинции в 60-70-е гг. XIV в. По-видимому, в период обособления Орды Мамаю в рамках контролируемой темником территории происходит

дальнейшее увеличение численности удельных держаний. Практика выделения феодалов на правах ленных пожалований являлась основополагающим принципом организации военно-политических образований средневековья. Письменные источники представляют наименования различных категорий военно-удельной аристократии «Мамаевой Орды», в числе которых фигурируют «улузные князья», «темники», «улапы», «алпауты», «есаулы» (Сказания и повести о Куликовской битве 1982: 26, 49, 104 / 150, 174, 229 и др.). Уже в данной должностной иерархии прослеживается будущая структура удельного районирования «крымского тумана», подчиненного принципу воинского комплектования и нашедшего наиболее полное выражение в адресах ярлыков крымских ханов (Березин 1851: 21 / 18 и др.). Характерно, что даже на сравнительно незаселенном участке донского маршрута (от района волго-донской переволоки до притока Маныч) митрополит Пимен и его спутники отмечают в 1389 г. местонахождения трех «татарских» улусов с фиксированными границами (Majeska 1984: 83 ff.). Приведенные данные отражают тенденцию постепенного накопления центробежного потенциала в западной части Ак-Орды, в процессе которого обособление улуса Мамаю являлось важным составляющим компонентом.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов Б. А. 1965. Государство кочевых узбеков. М.
 Бартольд В.В. 1968. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. М.
 Бегунов Ю.К. 1966. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л.
 Березин И. 1851. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань.
 Веселовский Н.И. 1891. Надгробный памятник Тимура в Самарканде // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. 1887. Т. II. М.
 Волков М. 1860. О соперничестве Венеции с Генуей // ЗООИД. Т. 4.
 Григорьев А. П. 1983. Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. Л.
 Григорьев А. П. 1990. Золотоордынский город Орда // Востоковедение. Вып. 32. Л.
 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. 1950. М.; Л.
 Егоров В.Д. 1974. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // ВИ. №8.
 Егоров В.Д. 1980. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М.
 Егоров В.Д. 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв.
 Карпов С.П., 1991. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М.
 Ковалевский М.М. 1905. К ранней истории Азова // Труды XI Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. II. М.
 Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. М. 1980.
 Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). 1969. Алма-Ата.
 Московский летописный свод конца XV века. 1949 // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л.
 Мурзакевич Н. 1837. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса.
 Мухамадиев А.Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М.
 Насонов А.Н. 1940. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.
 Памятники русского права. 1965. Вып. III. Памятники права периода образования Русского централизованного государства (XIV-XV вв.). М.
 Патриаршая или Никоновская летопись. 1965 // ПСРЛ. Т. 10. М.
 Пашуто В.Т. 1982. Историческое значение Куликовской битвы // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.
 Полевой Л.Л. 1960. Монеты из раскопок Старого Орехя (1947-1956) // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев.
 Полевой Л.Л. 1969. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946-1959 гг.) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев.
 Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.
 Приселков В.Д. 1950. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л.
 Радлов В. 1888. Ярлыки Тохтамыша и Тимур-Кутлуга // ЗВОРАО. Т. III.

- Рогожский летописец. 1965 // ПСРЛ. Т. 15. Вып. I. М. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. Г.С. Саблукова. Казань. 1906.
- Ртвеладзе Э.В. 1971. Новые данные о монетном чекане города Маджар // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. IV. Вып. III. М.
- Русев Н.Д. 1990. Возникновение городов Приднестровья XIV в. в свете нумизматических материалов // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.
- Савельев П.С. 1858. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб.
- Сафаргалиев М.Г. 1960. Распад Золотой Орды. Саранск.
- Симеоновская летопись. 1913 // ПСРЛ, Т. 18. СПб.
- Сказания и повести о Куликовской битве. 1982. Л.
- Скржинская В.Л. 1973. Венецианский посол в Золотой Орде // ВВ. Т. 35.
- Строева Д.В. 1958. Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л.
- Тизенгаузен В.Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.
- Тизенгаузен В.Г. 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л.
- Тюрина А.И. 1981. Нижегородский край и его роль в обороне восточных рубежей Руси в XIV веке // Северо-восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками / Межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 198. Ярославль.
- Фасих Ахмад ибн Джалап ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. 1980. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод) / Пер., предисл. и указ. Д.Ю.Юсуповой. Ташкент.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады даучидских монет // НЭ. Т. 1.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1968. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1978. Досаевский клад золотоордынских монет // Исследования по археологии Чувашии / Труды Чувашского НИИ. Вып. 80. Чебоксары.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1987. Царевский клад серебряных монет XIV в. // Краеведческие записки. Вып. 1. Саранск.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Френ Х.М. 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб.
- Хафиз-и Таныш ибн Мухаммад Бухари. 1983. Шарафнама-и шахи (Книга шахской славы) / Пер., введ., прим. и указ. М.А.Салахетдиновой. Ч. 1. М.
- Шейбаниада, история монголо-тюрков на джагатайском диалекте. 1849 / Пер., прим. и прилож. И.Березина / Библиотека восточных историков. Т. 1. Казань.
- Янина С. А. 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. №42. М.
- Янина С.А. 1977. «Новый город» (= Янги-шехр = Шехр ал-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Нумизматический сборник. Ч. V. Вып. 1. М.
- Desimoni C. 1887. Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380-1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano fondata da G.P.Vieusseux. 4-a ser. T. XX. Firenze.
- Documenta Romaniae Historica. 1977. D. Relații între țările Romane. Vol. I. (1222-1456). București.
- Heyd W. 1984. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Bd. II. Hildesheim — Zürich — New York.
- Majesca J.P. 1984. Russian travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries. Washington.
- Mas Latrie L. 1848. Privilèges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak. // Bibliothèque de l'école des chartes. T. IV. 6-me ser. Paris.